

- Милый сынок! - говорила мне мать. - Отдай одну графскую лошаду Ванюшке, а то у него только парочка, и он на ней не доедет до Кавказа; тарантас тяжелый, детей куча.

- Что ж, пускай Ваня возьмет Сумасшедшего, которого я заработал пером...

- Да Сумасшедший не годится для такой дальней дороги... на первой же версте он всех растреплет либо завезет куда-нибудь в канаву.

- Нет! - возразил мой отец. - Сумасшедший просто жидок... на нем только ездить верхом...

- Как верховая лошадь она никуда не годится, - заметил я, - отъедет версты две - и сейчас на дыбы, а если затянешь поводья - опрокинется на спину и седока придавит... словом, вам угодно Чалого? Но ведь он не мой... графский...

- Ты его после тож как-нибудь заработаешь пером, для тебя это ничего не стоит, - зажуужжали все мои родные...

- Ну, хорошо, хорошо! - воскликнул я. - Позвольте мне несколько подумать...

- Думай, сколько хочешь... потому до отъезда осталось еще целых две недели...

Пока я обдумывал, каким бы манером "поддеть на перо", как выразился отец, другую лошадь Льва Николаевича, судьба готовилась нанести моим родным тяжкий удар... Чалый, как будто с горя, что ему предстоит далекий путь, начал хиреть, перестал есть корм и, повесив голову, в глубокой задумчивости стоял перед яслями... В одно прекрасное утро он заснул мертвым сном...

Сумасшедший, благодаря своей взбалмошности, так-таки и отделался от своей обязанности тащить обремененный многочисленным семейством тарантас за тысячу с лишком верст...

В конце мая я возвратился в Ясную Поляну.

- Лев Николаевич дома? - спросил я кучера.

- Никак нет... Они в Самарской губернии кумыс пьют... Пироговские приезжали, сказывали, что граф купил там вот какую область земли - и не выговоришь: больше десяти тысяч десятин... А что же это вы приехали на одной лошади?

- Да Чалый-то издох...

- Тэ-эк-с... Значит, приказал долго жить. Уж я в те поры, как вы поехали отсюда, подумал: беспреречно что-нибудь случится с вами: либо где-нибудь в зажере искупаются, либо лошадей отобьют... Ну, слава Богу, хоть сами-то живые остались...

- Ты, Алексей, вот что сделай: взамен Чалого поставь в конюшню Сумасшедшего и скажи графу, что я от него отказываюсь...

- Напрасно вы эти слова говорите, Николай Васильевич; первое дело, вы ни в чем не причинны, что у вас пала лошадь... сами знаете: в животе и смерти Бог волен... второе дело, Лев Николаевич терпеть не может Сумасшедшего... за его ухватку... Наконец, того, я должен этому идолу отпускать сено и овес, а без графского разрешения я не могу этого сделать. Сами посудите... А вот лучше всего: не угодно ли вам с дорожки чайку попить со мною да водочкой заняться... Пожалуйте в анжеререю... Я теперь наибольшую часть там живу, потому садовник Михей с кругу спился и получил расчет...

Я не отказался от гостеприимного предложения кучера и отправился в знакомую оранжеререю, где мы не раз подолгу беседовали со Львом Николаевичем о литературе, о городах как рассадниках разврата, о "Происхождении видов", о любви, а больше всего о кратчайших путях, ведущих человечество к счастью...

- Не правда ли, хорошо здесь? - внося в оранжеререю самовар, с веселой усмешкой спросил меня кучер. - Главная причина - здесь много кислороту...

- Откуда ты взял это мудреное слово?

- А как же! Разве вы не помните: жил у нас химик швейцар... Это я от него занялся... Ну, да и то сказать: пользительная эта наука - химия... дай Бог помереть!.. Прежде, бывало, чистишь, чистишь конюшню-то с утра до вечера и сам не знаешь, какое теперь действие отражает на человека этот самый конюшенный запах?... А в настоящий, к примеру, момент я и близко-то подойти боюсь к навозной куче... Сейчас зажимаю нос, чтобы, значит, яд не пропитался в дыхательное легкое... Очень просто: может случиться кровавое зарождение... Ну, и человек, стало быть, погиб... Я уж за себя мужиков заставляю чистить конюшню...

- Прекрасно! Где ж теперь этот химик? Здесь или куда уехал?

- Давно укатил за границу... Да ведь послушайте, Николай Васильевич, разве возможно человеку, будем говорить, полированному и который в своем виде как следует настоящий учитель, обтесывать, производить в порядок мужичьих ребят? Ведь с ними с ума сойдешь: ты ему говоришь "алтерия", а он